

ОСНОВНЫЕ СИЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

© 2010 А.А. Тарелкин*

Ключевые слова: источники экономического развития, технический прогресс, инструменты повышения инвестиционной привлекательности предприятий.

Рассматриваются теоретические вопросы взаимосвязи финансовых инструментов и инновационных преобразований, анализируются различные подходы к изучению источников экономического развития, исследуются взаимное влияние финансовых рынков, технического прогресса и экономического роста, взаимозависимость между процессами повышения инвестиционной привлекательности предприятий и инструментами финансовых рынков.

Со времен А. Смита инструменты повышения инвестиционной привлекательности промышленных предприятий неизменно связывались с накоплением капитала. Всякое увеличение капитала, утверждал А. Смит, естественно ведет к активизации промышленной деятельности и, следовательно, к возрастанию реального богатства. Накопление капитала, в свою очередь, определяется масштабами сбережений (“...бережливость, а не трудолюбие является непосредственной причиной возрастания капитала”¹). И дело не ограничивается тем, что в богатых компаниях больше оказывается фонд накопления. К тому же сравнительно большая часть этих накоплений направляется на “производительную” деятельность.

Тезис, определяющий роль накопления, был полностью унаследован академической теорией “мейнстрима”. Великая депрессия способствовала более осторожной оценке современниками и сторонниками Дж.М. Кейнса роли процессов накопления. Но эти сообщения, как подчеркивал сам автор, относились прежде всего к краткосрочным факторам экономической динамики. К. Кларк, изучавший длительные тенденции хозяйственного развития, писал: “Уже в 1937 году я начал серьезно сомневаться в справедливости этой доктрины... Накопление капитала - это необходимое, но не достаточное условие экономического прогресса”².

В моделях экономического роста Р. Харрода, безусловно испытывавшего серьезное влияние Кейнса, на передний план вновь выдвинулись процессы накопления. Так, в базовом уравнении экономического роста темпы рас-

ширения производства прямо пропорциональны норме сбережений³. Те же предположения по существу содержатся и в моделях экономического роста Р. Солоу⁴, и в теоретических конструкциях эндогенного роста и технического прогресса другого нобелевского лауреата по экономике Р. Лукаса⁵.

Эмпирические исследования инструментов роста инвестиционной привлекательности, использовавшие стандартные производственные функции, не смогли, однако, подтвердить тезис о решающей роли накопленный “физического капитала”. Ограничимся ссылкой на результаты многочисленных расчетов Э. Денисона⁶, впервые предложившего методы “калькуляции” экономического роста. В соответствии с его расчетами за период с 1929 по 1982 г. не более 20% увеличения национального дохода США (в расчете на одного занятого) удается “приписать” накоплению реального капитала. Решающую роль во всех расчетах такого рода играл не раскладываемый по факторам “остаток”. Денисон считал его характеристикой прогресса знаний, который включает “как технический прогресс, так и прогресс в наших знаниях об управлении и организации”⁷. Тем самым в сферу исследования проблем повышения инвестиционной привлекательности предприятий постепенно втягивался более широкий круг не только экономических, но и социально-политических отношений.

В новой ситуации пересмотру неизбежно подверглись и определения самих факторов производства. В наиболее развитых странах накопление вещественного капитала - как ключевой фактор экономического роста -

* Тарелкин Алексей Александрович, кандидат экономических наук, докторант Самарского государственного экономического университета. E-mail: tarelkin.alexey@list.ru.

постепенно стало отступать на задний план, уступая место накоплению человеческого (а также “социального”) капитала. Из круга демографических проблем оказался, в частности, вынесенным и вопрос о факторах, определяющих темпы расширения трудовых ресурсов.

Теоретики, занятые поиском источников экономического роста, все шире привлекают исторический материал, активней вторгаются в сферу политических и социальных отношений. Указанная тенденция становится все более очевидной, если сравнить “калькуляции” Э. Денисона с последующими публикациями одного из весьма влиятельных американских экономистов - профессора Гарвардского университета Р. Барроу⁸.

В дополнение к обычным динамическим рядам все чаще параллельно привлекаются межстрановые сопоставления (cross-country studies); место элементарных производственных функций все чаще занимают многофакторные межобъектные сравнения (cross-section). При этом такие переменные, как норма сбережений (или норма накоплений), в подобных расчетах вообще не присутствуют. Зато значительное место отводится тем переменным, которые, по мнению Р. Барроу, должны играть отрицательную роль (масштабы потребления государства, инфляция и др.) и, что представляется особенно существенным, переменным, характеризующим влияние общественно-политических отношений (степень демократичности общества, соблюдение законов и прежде всего реальная защита прав собственности и контрактных прав).

“Калькуляции” экономического роста с первых дней своего появления подвергались критике представителей институциональной теории. Еще в начале 1970-х гг. Д. Норт и Р. Томас отмечали, что такие факторы, как накопление капитала, экономия на масштабах и т.п., “не являются источниками экономического роста - они и есть сам рост”⁹.

В соответствии с классификацией одного из наиболее известных представителей новой институциональной теории О. Уильямсона¹⁰ на более глубоких (по сравнению с обычной хозяйственной деятельностью) уровнях складываются политикоэкономические структуры, определяющие правила поведения

отдельных участников. В соответствии с этой логикой экономика прав собственности, скажем, должна играть более фундаментальную роль, чем текущие операции, описываемые стандартной неоклассической теорией. Многочисленные работы, опубликованные в конце 1980-х - первой половине 1990-х гг., могут свидетельствовать о все более активном интересе теоретиков экономического роста к сложившимся историческим традициям и институциональным структурам.

В последнее время и представители академического “мейнстрима” стали склоняться к мысли о том, что институциональные структуры, а среди них, прежде всего, права собственности и права и обязанности, фиксируемые системой контрактов, оказываются наиболее глубоким источником долгосрочного развития и экономического роста.

Привлекает внимание и другая сторона указанной тенденции. Изучение институциональных структур оказывается втянутым в сферу более формального анализа. Все чаще гипотезы, высказываемые в этой области, базируются на высокотехнических теоретических моделях, для статистической проверки таких гипотез используются продвинутые эконометрические методы¹¹.

Не углубляясь в сложный вопрос о соотношении между неоклассическим и институциональным направлениями современной экономической теории, отметим лишь, что на рубеже XXI в. ситуация существенно изменилась. Сегодня многочисленные характеристики институциональных структур становятся одним из наиболее престижных объектов теоретического моделирования и эконометрического исследования.

Экспансия неоклассических моделей проявляется, в частности, в том, что они постепенно охватывают тот “глубинный” (по характеристике О. Уильямсона) уровень, на котором располагаются базовые институциональные структуры. Границы между обычными объектами исследования у представителей мейнстрима и традиционной тематикой институционалистских работ¹² оказываются все более размытыми. Основные характеристики изучаемых рынков у сторонников обоих направлений теперь, по крайней мере отчасти, определяются утвердившимися отношениями собственности, а также системой

информанта прав собственности и контрактных обязательств.

Развитие и укрепление рыночной частной собственности на определенном этапе зрелости создает возможности для формирования системы финансовых рынков. Ряд исследований, проведенных в последние годы, с особой четкостью продемонстрировал важную роль финансовых инструментов в обеспечении условий повышения инвестиционной привлекательности.

В современной экономике финансовые рынки осуществляют жизненно необходимые функции. Не пытаясь описать все эти функции, отметим лишь, что финансовые рынки не только позволяют превратить сбережения в капитал и обеспечивают эффективную аллокацию капитала, они осуществляют также сбор и переработку огромных массивов информации, необходимой для инвестиционных решений; к тому же они создают условия для мониторинга инвестиционных проектов и контроля за их эффективностью.

Й. Шумпетер¹³ в своей "Теории экономического развития" характеризовал рынок капитала как "штаб капиталистической экономики", в котором "по сути дела обсуждается и принимается план дальнейшего развития". Каждому новому этапу в развитии капиталистической экономики предшествовали качественные изменения в функционировании финансовых рынков.

К настоящему времени поистине общепринятыми стали ссылки на связь процессов "углубления финансовой структуры" ("financial deepening") с повышением эффективности хозяйственных процессов и ускорением экономического роста. Сошлемся в этой связи на монографию "Финансовая структура и экономический рост"¹⁴. В ней приведены сотни разнообразных межстрановых сопоставлений, в конечном счете, призванных убедить читателя в справедливости следующего вывода о благоприятном влиянии, которое развитая финансовая система оказывает на общие процессы хозяйственного развития.

И все же тезис о важной роли самих по себе финансовых инструментов, в отрыве от "реальных" механизмов экономического развития, приводимых в движение потоками капитала, вряд ли может считаться достаточно

убедительным. Наибольший интерес, как представляется, вызывают те теоретические модели, которые с большей конкретностью описывают каналы воздействия финансовых рынков на развитие реальной экономики.

В современной экономической литературе все большее распространение получают те теоретические модели развития финансовых рынков, которые "встраиваются" в общие механизмы технического прогресса и экономического роста. В качестве примера можно сослаться на работу М. Пагано¹⁵: в его аналитической конструкции степень развитости финансовых рынков оказывает непосредственное влияние не только на норму сбережения, но и на выбор технологии, она задает масштабы затрат труда и материальных ресурсов на осуществление посреднических операций и др. Все это не может не отражаться на темпах устойчивого хозяйственного роста.

В теоретических моделях другого типа¹⁶ функционирование развитых финансовых рынков способствует интенсификации исследований и конструкторских разработок, расширяет сферу инновационной активности предпринимателей. Но чаще всего¹⁷ используемые аналитические схемы рассматривают указанную проблему в несколько более общем контексте. Такие модели призваны показать, что дополнительные возможности выбора между инвестиционными проектами, с одной стороны, и жесткий и эффективный контроль, обеспечиваемый финансовыми рынками, - с другой, позволяют более эффективно использовать имеющиеся ресурсы и благоприятствуют формированию условий для более энергичного экономического роста.

Серьезный интерес представляют исследования авторов монографии об эндогенном экономическом росте Ф. Агиона и П. Хауитта, которые ввели в свои теоретические модели экономического роста с техническим прогрессом дополнительные финансовые механизмы. Другую попытку того же Ф. Агион предпринял несколько ранее совместно с Д. Эйсмоглу и Ф. Зилиботти. Наряду с анализом теоретической модели, эти исследования содержат также обширные расчеты, связанные с эконометрической проверкой выдвигаемых теоретических гипотез. Краткое

изложение важнейших идей, содержащихся в указанных исследованиях, можно найти в статье Ф. Агиона “Экономический рост и институты”¹⁸.

Основные теоретические конструкции исходят из общей логики сопоставлений, поэтому они обычно содержат модели взаимодействий между различными организациями. Будем полагать, что в некоторой организации имеют место технические нововведения, Тогда она, по предположению, участвует в обмене технологиями (technology transfer). Важную роль в модели играет общая для всех организаций технологическая граница производственных возможностей; поступательное продвижение этой границы определяется равновесными (в рамках рассматриваемой системы) темпами повышения производительности, главной эндогенной переменной в моделях Ф. Агиона и его соавторов выступают темпы экономического роста. Иначе говоря, в указанных моделях обсуждаются проблемы сходимости темпов экономического роста к некоему стабильному равновесному уровню (steady-state growth).

Нетрудно видеть, что отставание в подобной модели сопряжено с определенными выгодами и издержками. Так, удаленность экономики от технологической границы может оказаться условием, позволяющим значительно повысить эффективность использования ресурсов в результате трансфера технологии. Вместе с тем отставание неблагоприятно сказывается на собственной инновационной деятельности - при неизменном количестве квалифицированных рабочих вероятность успешной реализации собственных инноваций, по предположению, возрастает по мере приближения к технологической границе.

В новых моделях Ф. Агион и его соавторы¹⁹ вводят для рассмотрения несовершенные финансовые рынки (поскольку функционирование совершенных финансовых рынков не внесло бы существенных изменений в процессы, протекающие в реальном секторе).

На несовершенных рынках участники сталкиваются со связывающими бюджетными ограничениями: размер внешнего финансирования капиталовложений зависит от величины чистой стоимости принадлежащего предпринимателю имущества.

В моделях предполагается также, что чем более развиты рыночные институты, тем реже заемщикам удается использовать информационные асимметрии для того, чтобы обмануть кредиторов. Поскольку вероятность предоставления займа напрямую зависит от риска возможных потерь (в случае обмана кредиторов), развитые рынки капитала, которые при прочих равных условиях уменьшают математическое ожидание предполагаемой суммы убытков и обеспечивают финансирование большего объема инвестиций, содействуют уменьшению разрывов в темпах роста среди предприятий, оказавшихся в конвергентной группе. Вместе с тем, чем больше расстояние той или иной экономики от технологической границы производственных возможностей, тем чаще предприятия, обращающиеся за ссудами, наталкиваются на отказ со стороны кредиторов. В результате предприятия сталкиваются с более жесткими бюджетными ограничениями и в полной мере ощущают негативные последствия отсталости своей экономики. Таким образом, недостаточное развитие финансовых рынков может способствовать увеличению разрыва в темпах повышения инвестиционной привлекательности между лидерами, освоившими передовые технологии, и предприятиями, лишенными возможности в полной мере использовать потенциал современного научно-технического прогресса.

Заметим, что в указанной модели финансовые рынки могут способствовать приближению к технологической границе производственных возможностей или не обеспечивать условия конвергенции (по мере отдаления от указанной границы благоприятное влияние финансовых факторов быстро убывает). Но в соответствии с логикой модели функционирование финансовых рынков не могут оказывать влияние на равновесные темпы долгосрочного экономического роста - последние зависят лишь от действия “реальных” факторов.

Из теоретических моделей эндогенного роста с финансовыми рынками видно, что предприятия того государства, экономика которого в наибольшей степени удалена от технологической границы, особенно сильно нуждаются в таких хозяйственных институтах, которые могли бы облегчить осуществ-

ление долгосрочных инвестиционных проектов, опирающихся на заимствование передовых технологий ("investment-based" institutions); такие институты могут помочь ускоренному преодолению существующего разрыва в темпах роста. В то же время предприятия государства, экономика которого приблизилась к технологической границе производственных возможностей, смогут повысить темпы своего роста лишь в том случае, если будут использовать наиболее гибкие хозяйственные нормы и институты, ориентированные на всемерное поощрение предпринимательской инициативы и поиска в сфере новых технологий ("innovation-based" institutions). К числу последних можно отнести, в частности, максимально возможную открытость экономики, финансовый аутсорсинг, интенсивное развитие рынка ценных бумаг и венчурного бизнеса.

Таким образом, теоретические модели могут свидетельствовать о значительной взаимозависимости между процессами повышения инвестиционной привлекательности, с одной стороны, и инструментами финансовых рынков - с другой. Функционирование финансовых рынков сегодня оказывается одним из важнейших факторов активизации конкурентного соперничества и повышения экономической эффективности, а значит, и инвестиционной привлекательности предприятий.

¹ *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 21.

² *Clark C.* Development Economics. The Early Years // *Pioneers in Development* / ed. by G. Meier, D. Seers. Oxford Univ. Press, 1984. P. 59.

³ *Харрод Р.* К теории экономической динамики. Новые выводы экономической теории и их применение к экономической политике. М., 1959. С. 32.

⁴ *Solow R.* A Contribution to the Theory of Economic Growth // *Quarterly J. of Economics*. 1956. Vol. 70.

⁵ *Lucas R.* On the Mechanics of Economic Development // *J. of Monetary Economics*. 1988. Vol. 22.

⁶ Denison E.. Trends in American Economic Growth, 1929-1982. The Brookings Institution, 1985.

⁷ Там же. P. 58.

⁸ *Barro R.* Economic Growth in a Cross-section of Countries // *The Quarterly J. of Economics*. 1991. Vol. 106. Issue 2; *Barro R.* Determinants of Economic Growth: a Cross-Country Empirical Study. NBER Working Paper. Washington, 1996. № 5698; *Barro R., Lee J.-W.* International Comparisons of Educational Attainment // *J. of Monetary Economics*. 1993. Vol. 32. Dec.; *Barro R., Sala-i-Martin X.* Economic Growth. McGraw Hill, 1995.

⁹ *North D., Thomas R.* The Rise of Western World: A New Economic History. Cambridge Univ. Press, 1973. P. 2.

¹⁰ *Williamson O.* The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // *The J. of Economic Literature*. 2000. Vol. XXXVIII, № 3.

¹¹ *Niehans J.* A History of Economic Theory Classic Contributions, 1720-1980. The John Hopkins Univ. Press, 1990. P. 522.

¹² *Козлова К.Б.* Институционализм в американской политэкономии: идейно теоретические основы либерального реформизма. М., 1987.

¹³ *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 274.

¹⁴ *Financial Structure and Economic Growth*, 2001, chapters 4-5.

¹⁵ *Pagano M.* Financial Markets and Growth: an Overview // *European Economic Review*. 1993. Vol. 37, № 2-3.

¹⁶ *Roubini N., Sala-i-Martin X.* Financial Repression and Economic Growth // *J. of Development Economics*. 1992. Vol. 39, № 1.

¹⁷ *Bencivenga V., Smith B.* Deficits, Inflation and the Banking System in Developing Countries: The Optimal Degree of Financial Repression // *Oxford Economic Papers*. 1992. Vol. 44.

¹⁸ *Aghion Ph.* Growth and Institutions // *Empirica*. 2005. Vol. 32.

¹⁹ *Acemoglu D., Aghion Ph., Zilibotti F.* Distance to Frontier, Selection, and Economic Growth. NBER Working Paper. Washington, 2002. № 9066.

Поступила в редакцию 15.10.2010 г.